

Полетела погулять

Зойка вытащила свитер из стиральной машинки. Растянулся. И превратился в серую сардельку вытянутых рукавов и бесформенного теперь ворота. Может высохнет и вернет форму? «Вряд ли, - закружилось в голове мамино скептическое, - Одеть то ты его оденешь, но без претензий тогда к твоим юным цензорам». И чего она его на руках не постирала?...

После смерти папы уже прошло два года, а Зойка так и не нашла оправдание случившемуся и тянущимся дням без него. Бесконечное «за что» вместе с надетой мрачной пеленой месяц за месяцем выедали по крохотному кусочку из остатков радости, спрятанных хозяйкой поглубже. И похоже, неизвестно ей самой куда. К чему ей радость? Папа всегда говорил, что у каждого человека есть крылья, а еще, что она у него красавица! А может, ему просто так виделось или хотелось, как любому отцу единственной дочери?... Да, и что говорить теперь об этом.

...Придется одеть завтра юбку с блузкой, а то точно ее девятый «В» начнет занятие с обсуждения шепотом наряда Жёрдочки, то есть её. Когда в учительской Полина Михайловна, историк, поделилась с ней, как старшиши зовут между собой их преподавательницу английского, Зоя не удивилась. Наверное, так и есть, её сто семьдесят сантиметров никуда не денешь, а что до гардероба, так ей все равно, она их не по подиуму прогуливаться учит, а самому многоговорящему языку в мире – английскому. Китайский, конечно, может и взять лидерство по численности, но по популярности и мультипользованию первенство есть и будет пока за английским. «А к чему это я?» – Зойка вспомнила, что свитер уже висит на веревке в кухне, и можно спокойно забыть о нем, по крайней мере, до завтра. А через две недели можно будет забыть на время и об уроках и учениках со всем остальным. Долгожданное лето хоть и слегка запаздывало дождями, но нет-нет, да и обозначалось голубым ясным небом, словно проблесками напоминая о скором прибытии.

«Как же быстро пролетели два года после института, проскочили темным мячиком через дорогу, незаметным ни для прохожих, ни для машин...» Последнее время эта мысль частенько крутилась в голове без ее воли. Сама по себе. Неоконченная. «Спать, спать, скорее спать». Зойкино спасение от бесконечных мыслей приходило ночью раз или два в месяц. Как повезет. Она толком и себе не могла объяснить, что с ней происходит в такие счастливые

дни, вернее ночи. А другим тем более не надо знать, подумают что девушка с безуминкой... Даже мама не знает. Вот если бы папа был рядом, она бы ему рассказала, как в детстве, по секрету. Как среди сна ее поднимает какая-то сила ввысь, она совсем не чувствует рук или ног, она - сам воздух, она - мгновение ветра, она - прозрачное облачко, она - миг и вечность одновременно. Она может, слышите, она МОЖЕТ летать. Приблизиться к окну, распахнуть его и полететь в чернёное небо. Ни холода, ни дождя, ни зноя там не бывает. Там только звуки окружают перьями и несут в любую точку пространства. Звуки сплетают одежду под настроение, а цвета ты выбираешь сам, и тебя слышат, и твои желания. Сегодня ты в легком платье воздуха, в следующий раз тебе нравится побыть леди с тончайшим шарфиком, развевающимся за волосами, а потом что-нибудь на спортивный лад, комфортное и беззвучно легкое. Как бы ее ни одели звуки, куда бы не понесли, ей нравилось все. И даже она сама вовсе не Жёрдочка, и, может даже, красивая. Неважно, главное, что она может летать. Нет, крыльев за спиной она ни разу не видела, но они и не нужны были ей в этих ночных прогулках. Столь ценных и оберегаемых от всех.

Утро сыростью из приоткрытого окна пыталось сказать, что пора бы уже и проснуться. Выезжать к третьему уроку выпадает только раз в неделю, но уж что вовсе не означает, что на него можно опаздывать. Натягивая на себя блузку, Зоя пощупала свитер на кухне - мокрый. Значит, негреющий плащ сегодня будет осчастливлен и выведен на еще какой свежий и промозглый воздух. Хорошо, хоть в вагоне метро тепло. Скорее душновато тепло, но зато не холодно. Раз в неделю (к третьему уроку!) утром место в вагоне всегда находилось, и следующие восемь остановок можно почитать или, если не забыла зарядить телефон, то и музыкой отвлечь себя от приближающейся школьной многоголосой сумятицы. Десять минут, зато ее личные. Зоя прислонилась головой к угловой стенке, как обычно нажала на рендомную подборку песен из ранее отобранных и закрыла глаза. Три, иногда четыре песни и выходить навстречу очередному лицейному дню.

Глаза резко открылись и потребовали от Зои срочно проснуться. Схватив сумку с сиденья, она выскочила из вагона. Нескольких секунд было достаточно, чтобы понять, это не ее Выборгская, следующих десять хватило, чтобы увидеть уезжающий состав и узнать станцию...Площадь Ленина. С чего бы она задремала? Вразумительного ответа от головы не поступило и в назидание, Зоя решила пройти вперед пешком, чего за два года по этому маршруту как-то с ней не приключалось. Ну что же она не разберется, может даже и быстрее будет... На улице моросило, зонтик вновь почувствовал свою

нужность и старался успевать за спешащей владелицей, бережно укрывая от вездесущих, летящих во все стороны капель. Каждые два-три дома Зоя выглядывала из-под зонта и проверяла как бы не пропустить поворот. «Может, надо было не упрямничать и спокойно проехать еще одну остановку, ну сколько можно все делать не как люди? Ладно, доберусь как-нибудь...». Ни плащ, ни насквозь промокшие туфли подобного оптимизма хозяйки совсем не испытывали. «Весь день придется провести с мокрыми ногами, не одевать же ей под юбку кроссовки, после зимнего периода томящиеся в лаборантской физика, разве что лишний раз утвердиться в характерном своей безликостью звании Жёрдочка?»

Внадцатый раз выглянув из-под зонта, Зойка резко остановилась, прямо на нее с плаката на парадной двери смотрело ярко голубое небо с росчерком самолета и сказочной, как ей показалось в тот момент, красавицей в синем форменном костюме. Это потом правильное слово пришло на ум - полетном. А тогда упрямые глаза Жёрдочки читали слово за словом на плакате: знание английского языка, доброжелательность, находчивость, культура речи, эмоциональная устойчивость, аккуратность и ... желание вести подвижный образ жизни... Зоя собрала зонтик, ничто не может ей помешать прочесть каждую букву с сине-голубого глянцевого листа. Что там дальше...? Отсутствие хронических заболеваний, рост 160-175, отсутствие тату... Глаза выхватывали строчку за строчкой, лихорадочно примеряя к себе, да, да, еще раз да, снова да... Что там было про эмоциональную устойчивость? она может. И покажет. Она сейчас спокойно побежит в лицей, не опоздает, будет находчива и доброжелательна, как ни в чем ни бывало...

Минуты спустя, встречные прохожие могли увидеть вымокшую стремительно идущую девушку, ярким пятномдвигающуюся по Большой Сампсониевской. Яркой была ее улыбка, глаза - светом голубого неба, того самого неба, по которому весной так скучают жители Питера.

Четыре месяца спустя, те же глаза и та же улыбка были вместе с Зоей. Она приехала к майскому мокрому парадному, изменившему ее жизнь, ветром с дождем наполнив ее радостью ожидания начала, а потом и уверенностью, что жизнь раскрыла перед ней новые двери. У нее сегодня вечером первый самостоятельный полет, она уже даже не стажер, она - бортпроводник, стюардесса, она может летать по-настоящему. Не только во сне. Синий костюм, белоснежная блузка, перчатки она оденет уже на борту, сейчас они ей не нужны. Месяц назад на последнем вступительном испытании, теперь уже «её» авиакомпании, она получила лучшие баллы. Баллы за красоту не

ставят, но она знает, что могла бы и их легко получить. Потому, что теперь у нее есть весь мир, все небо, где она будет летать! С легкостью и всегда улыбаясь. Спасибо, Папочка, спасибо за крылья!

Миша Пирс

20.08.2015